

Владимир Галактионович Короленко

Оригинал здесь: [Книжные полки Лукьяна Поворотова](#)

В конце восьмидесятых годов, в годы ранней юности, встретился мне в новой книжке толстого журнала рассказ под красивым заглавием "Лес шумит". Язык рассказа звучал певуче, мелодично, лучше многих стихов; подобно музыке, открывал он то, что казалось невозможным выразить словами. Тогда я еще не читал, не слышал такого красивого языка, полного струнной звучности.

Залпом прочел я этот чарующий рассказ, один из первых рассказов Короленко.

В голове шумел стройный звон высокого леса, пели нежные струны бандуры, реяли поэтические образы Опанаса и Оксаны, и вся трагическая поэма звучала в моих ушах, как гул приближающейся бури.

Короленко был тогда начинающим писателем. После этого рассказа имя его зашумело повсюду, как лес: о нем заговорили.

Появился "Сон Макара".

Это был сон того собирательного, символического Макара, "на которого все шишки валятся".

На этот раз взята была суровая природа занесенной снегами Сибири. Якуты, олени, юрты, бедная, дикая жизнь, не имеющая радостей, и на этом фоне психология бедного якута, его несложный душевный мир.

В этой поэтической, психологически тонкой, грустно-шутливой фантазии столько чувствовалось любви к человеку и несокрушимой веры в него, любви к символически изображенному в образе бедного Макара темному многомиллионному трудящемуся люду вплоть до вымиравших якутов, находившихся на низшей ступени развития, с их языческими, детскими верованиями, с их жалкой беззащитностью.

Стала ясной литературная физиономия Короленко: это был, прежде всего, гуманист, проникнутый любовью к несправедливо обиженным людям, веривший в торжество справедливости и в искру добра в каждом самом темном или падшем человеке.

Когда возникает судебный процесс по обвинению неких мултанских крестьян в приношении человеческих жертв ради будто бы существовавшего у них язычески-религиозного культа, Короленко страстно вмешивается в это дело, выступает на суде защитником несчастных, темных, оклеветанных людей. Своею изумительною по силе и страстной вере в человека речью делает это дело знаменитым, навсегда оставшимся в истории нашей общественности. Благодаря ему суд оправдал обвиняемых, и Короленко снял с нашей страны позорное, клеветническое обвинение. Для него это было страшно важным - защищать честь "низших" классов народа в возведенном на них кровавом поклепе.

Та же черта любви к человеку и веры в заложенные в нем прекрасные возможности красной нитью проходит и через дальнейшие его произведения.

Появляется удивительный по глубине и психологической тонкости рассказ "Слепой музыкант", ряд мелких рассказов и большая повесть "Без языка".

Центром пристального внимания и психологического изучения писателя становится задавленный бесправием народ. Еще студентом Петровской академии Короленко выступает в депутации студенчества ходатаем за грубо попранные человеческие права учащейся молодежи; в числе "вожаков" движения его отправляют на Север, в ссылку. Там он делается сапожником и, окруженный рабочими людьми, наблюдает их жизнь, характеры, типы.

В большом автобиографическом произведении "История моего современника", посвященном главным образом жизни ссыльных, он говорит, шутливо обращаясь к позднейшим сапожникам, превосходившим его в сапожном искусстве:

- Мы, старые сапожники, иронически смотрим на вас, молодых. Мы шьем такие сапоги, чтобы можно было в них и соломки постелить и чтобы износу им не было: бьем на прочность.

То же самое он мог бы сказать многим "художникам": все написанное им оказалось той правдой, которая, как золото, не ржавеет.

Восшествие на престол Александра III застает Короленко в ссылке и ставит его, столько видевшего неправды и недостатков тогдашнего строя, перед требованием принять присягу на верность самодержавию. Честность, исключительная прямота совести и мужество характера заставили его отказаться от принятия присяги.

За это писателя отправили в суровую, далекую якутскую ссылку, "куда и ворон костей не заносил". Там-то и были почерпнуты им впечатления, послужившие для создания многочисленных сибирских рассказов, в которых он отразил, как никто из русских писателей, сибирскую природу, жизнь ссыльных, уголовных каторжан,